
АЛЛА
ДЕМИДОВА

АЛЛА
ДЕМИДОВА

**«Всему на этом свете
бывает конец...»**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д30

Дизайн серии *Виктории Лебедевой*

Фото на переплете работы *Владимира Васильчикова*

В оформлении книги использованы фотографии работы
Валерия Плотникова и *Александра Стергина*,
а также предоставленные РИА Новости

На форзаце и нахзаце – макет декораций,
выполненный Валерием Левенталем,
из архива *Дмитрия Крымова*

Демидова, Алла Сергеевна

Д30 «Все́му на этом свете бывает конец...» / Алла
Демидова. – Москва: Издательство АСТ, 2018. –
320 с., ил. – (Биография эпохи)

ISBN 978-5-17-982435-0

Новая книга Аллы Демидовой – особенная. Это приглашение в театр, на легендарный спектакль «Вишневый сад», поставленный А.В. Эфросом на Таганке в 1975 году. Об этой постановке говорила вся Москва, билеты на нее раскупались мгновенно. Режиссер ломал стереотипы прежних постановок, воплощал на сцене то, что до него не делал никто. Раневская (Демидова) предстала перед зрителем дамой эпохи Серебряного века и тем самым давала возможность увидеть этот классический образ иначе. Она являлась центром спектакля, а ее партнерами были В. Высоцкий и В. Золотухин.

То, что показал Эфрос, заставляло людей по-новому взглянуть на Россию, на современное общество, на себя самого. Теперь этот спектакль во всех репетиционных подробностях и своем сценическом завершении можно увидеть и почувствовать со страниц книги. А вот как этого добился автор – тайна большого артиста.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А.С. Демидова, 2018

© РИА Новости

ISBN 978-5-17-982435-0 © ООО «Издательство АСТ», 2018

Очередной раз перебирала свой архив, искала какую-то бумажку и наткнулась на папку с моими записями о «Вишневом саде», который Анатолий Васильевич Эфрос поставил на Таганке в 1975 году. В папке лежали некоторые стенограммы репетиций этого спектакля. На книжной полке стояли эфросовские книжки. В ящиках стола хранились мои дневники. И я решила собрать все эти разрозненные листочки и поделиться ими с читателем. Я не могу сейчас последовательно вспоминать все, что связано с нашим «Вишневым садом», – что-то ушло из памяти, какие-то листочки с репетиционными текстами затерялись – поэтому простите мне некоторую фрагментарность моего изложения.

И потом, о спектакле Эфроса было написано много критических статей. Но статьи писались о готовом спектакле. А мы репетировали «Вишневый сад» несколько месяцев. И мне хочется как раз показать, как постепенно прояснялся этот спектакль. Не только у актеров, но и у Эфроса. Поэтому кажущиеся повторы в моих записях – это

«Всему на этом свете бывает конец...»

повторы репетиций, когда день за днем закрепляется роль, проясняется рисунок спектакля.

* * *

В своих записных книжках Ахматова заметила про одного писателя: «...самое страшное: он никогда ничего не вспоминает». Для Ахматовой, да и для любого нормального человека, память – ценный дар Бога. Ее стихотворение «Есть три эпохи у воспоминаний» хотелось бы привести полностью, но я просто напоминаю о нем читателю. Оно слишком известно.

У меня... с памятью плохо. События налезают друг на друга, и я не запоминаю последовательности. Я забываю имена, цифры, рассказанные кем-то анекдоты, плохо запоминаю лица. Память держит только тексты пьес и стихи. Тексты пьес я вспоминаю по мизансценам, если прохожу их мысленно. Стихи же можно уложить в «быструю» и «дальнюю» память. Быстрая нужна, когда необходимо запомнить текст для кино или телевидения, когда же читаю стихи на эстраде, то запоминаю их, перекладывая слова на образы или цвета, а лучше – на мысленные цветные картинки. Тогда и возникает «дальняя память».

Алла Демидова

Иногда я не понимаю, для чего всю жизнь много читаю, ибо все прочитанное быстро забываю или присваиваю, причем присваиваю как собственное знание. Думаю, причина в актерской профессии, когда присваиваешь текст роли, чужой характер, привычки, судьбу, наконец. Наверное, любое знание, перерабатываясь, присваивается. Гёте в разговоре с Эккерманом заметил (когда англичане обвиняли Байрона в плагиате): «Что я написал – то мое, вот что он (Байрон) должен бы им сказать, а откуда я это взял, из жизни или из книги, никого не касается, важно – что я хорошо управился с материалом!»

И потом, у меня ужасная привычка – «ходить кругами», чтобы понять что-нибудь в жизни. Я часто и подолгу перебираю в уме мои отношения с людьми, мои разговоры с ними. Я возвращаюсь памятью к одним и тем же событиям.

Когда меня заворожила «Поэма без героя» Ахматовой, я много лет записывала на бумажках или в маленьких записных книжках свои мысли или что-то из прочитанного или услышанного – все, что касалось этой «Поэмы». Потом я решила этим грузом поделиться с читателями. Написала комментарии к «Поэме без героя» и назвала свою книжку «Ахматовские зеркала». В той книжке тоже мой излюбленный принцип – «ходить кру-

«Всему на этом свете бывает конец...»

гами»: постепенно, слой за слоем открывать герметичность «Поэмы».

Так и «Вишневый сад». Он меня зацепил в начале 1975 года, когда Эфрос первый раз нам прочитал пьесу вслух. И до сегодняшнего дня я хожу вокруг этой пьесы, и каждый раз для меня открывается что-то новое.

Когда читается пьеса в театре, надо отрешиться от всего, расслабиться и слушать «вполуха», и тогда фантомы образов, отделившись от хорошего текста, встают перед глазами. Их надо удерживать в памяти. Конечно, я была настроена на Раневскую, поэтому самым ярким фантомом была она.

24 февраля 1975. В 10 часов утра в верхнем буфете – первая репетиция «Вишневого сада». Пришел Эфрос. Он рассказывал экспликацию и читал вслух 1-й акт, по ходу комментируя. Раневская на грани трагического помешательства. Начало – сразу резко. Нужно создать напряжение – едет та, которую все ждут.

На первую репетицию собираются в театре не только назначенные исполнители, но и те, кто хотел бы играть, но не нашел себя в приказе о распределении ролей; собираются просто «болельщики» и околотеатральные люди. А сейчас – событие: в Театре на Таганке Анатолий Васильевич Эфрос, режиссер другого «лагеря», другого направления, собирается ставить Чехова.

Любимов тогда впервые уехал надолго из театра – ставить в Ла Скала оперу Луиджи Ноно «Под жарким солнцем любви» – и перед отъездом, чтобы театр не простаивал без работы, упросил Эфроса сделать какой-нибудь спектакль на Таганке. Эфрос согласился, хотя у него

«Всему на этом свете бывает конец...»

в это время было много работы. Он только что закончил на телевидении булгаковского «Мольера» с Любимовым в главной роли, у себя на Бронной – «Женитьбу», во МХАТе репетировал «Эшелон» Рощина. Его актеры с Малой Бронной рассказывали, что Эфрос не может жить без репетиций. Он завершает один спектакль, тут же начинает другой – или у себя, или в другом театре. При этом он успевал снимать кино, работать на радио и писать книги.

Эфросу, когда он пришел к нам, было 50 лет, он только что выпустил первую книжку, а к концу года у него случился первый инфаркт. Это было в 1975 году.

На первой репетиции обычно раздаются перепечатанные роли, а тут всем исполнителям были даны специально купленные сборники чеховских пьес. Кто-то сунулся с этой книжкой к Эфросу, чтобы подписал, но он, посмеиваясь, отмахнулся: «Ведь я же не Чехов». Он себя чувствовал немного чужим у нас, внешне это никак не выразилось, он просто не знал, как поначалу завладеть нашим вниманием. Рассказал, что недавно вернулся из Польши и какие там есть прекрасные спектакли, и что его поразила в Варшаве одна актриса, которая в самом трагическом месте роли неожиданно рассмеялась, и как ему это понравилось. Говорил, что в наших театрах очень часто – замедленные,

одинаковые ритмы и что их надо ломать, и почему, например, в джазе есть резкие перепады темпа и ритма, а мы в театре тянем одну постоянную, надоевшую мелодию и боимся спуститься с привычного звука. Говорил об опере Шостаковича «Нос», которую посмотрел в Камерном театре, – почти проигрывая нам весь спектакль и за актеров, и за оркестр. Сказал, что любит слушать дома пластинки, особенно джаз, где, нащупав тему и единое дыхание, на первый план выходит с импровизацией отдельный исполнитель, и как все музыканты поддерживают его, подхватывают и развивают по ходу новую музыкальную тему, и почему в театре такое, к сожалению, невозможно. Говорил о том, что он домосед, что не любит надолго уезжать из дома. Рассказал, как однажды посетил места, где родился, и какое для него это было потрясение, и напомнил, что первая реплика Раневской – «Детская...». Говорил, что приезжать на старые детские места – это страшно. Когда он недавно приехал в Харьков, где прошло его детство, сказал, что все помнил, но улицу уже не узнавал, но когда увидел свое окно и перед ним тот же сад, то стал плакать, почти истерично. Рассказал немного о Харькове, о своем детстве и какой Харьков прекрасный город.

У меня ассоциативная память, и я сразу же вспомнила, что в «Чайке» Аркадина говорит,

«Всему на этом свете бывает конец...»

как хорошо ее принимали в Харькове. И Лопатин в «Вишневом саде» тоже говорит, что ему надо ехать в пятом часу утра в Харьков. Фирс тоже вспоминает, что сушеную вишню возили в Харьков.

Это Зоценко, по-моему, в своей «Голубой книге» среди рассказов вставлял «мелкий случай из личной жизни».

У меня это тоже вошло в привычку. Поэтому опять прошу прощения у читателя, если я вспомню что-нибудь, не напрямую относящееся к «Вишневому саду».

Тогда же Эфрос говорил, что пьеса «Вишневый сад» много ставилась, что осталась легенда о спектакле раннего Художественного театра, что существует некоторый графарет и что его надо разрушить, но это будет очень сложно, что в пьесе нет определенной идеи, что там действуют очень странные люди. На фоне клоунских разговоров происходит что-то для них страшное – продажа вишневого сада. Люди понимают, что над ними висит какая-то опасность, но они беспечно об этом не думают. И, главное, надо иметь в виду, что в «Вишневом саде» сочетание опасности и беспечности.

ЭФРОС. «Представьте себе – летит какой-то снаряд, мы знаем об этом, знаем, что он должен

упасть и что это будет смертельно для нас, знаем даже, когда он упадет, но ничего не делаем против этого снаряда, не пытаемся спастись, а занимаемся каждый день самыми обычными вещами, как если бы об этом снаряде никто не знал. Вот и у Чехова люди милы, чудаковаты, беспечны, но ничего не могут сделать против опасности. Мне кажется, пьеса звучит сегодня очень интересно.

Она неоднозначна, конечно, в ней много других мотивов, но эта идея присутствует всегда, во всех сценах, во всех взаимоотношениях людей. И если сделать это на сцене не буквально, а символически, то тогда все человеческие странности, клоунские выходки и смешки приобретут совершенно другое значение».

Эфрос говорил, что это очень хорошая мысль – поставить Чехова именно на Таганке, в театре, где привычный Чехов кажется невыносимым, где всегда обнаженная сцена, голые кирпичи, а артисты по-брехтовски «показывают своих героев». Сказал, что попросит Левенталья сделать очень красивую декорацию, которой на Таганке еще не было.

ЭФРОС. «Может быть, верно, что истину надо искать только в контрастах. Комедию Гоголя надо ставить трагически, тогда она будет

«Всему на этом свете бывает конец...»

смешна. Брехта надо ставить “по-чеховски”, без насмешливого брехтовского тона. Кстати, Брехт на Таганке был в свое время поставлен *по-русски*, оттого, может быть, так заиграл. А “Вишневый сад” надо ставить в театре, где меньше всего знают толк в “чеховском тоне”. Может быть, такое наше время – по протоптанной дорожке не придешь никуда?»

Сказал, что он сейчас вынужден завершить работу во МХАТе, что у нас первые черновые репетиции будет проводить его ассистент Александр Вилькин и что сам Эфрос только раз в неделю будет приходить к нам смотреть наработанное и давать задание на будущее, но что после премьеры во МХАТе он целиком наш.

На доске приказов театра было вывешено распределение ролей. По традиции нашего театра на одну и ту же роль назначалось по несколько человек:

Раневская – Демидова, Богина

Аня – Чуб, Комаровская, Прудникова

Петя Трофимов – Золотухин, Холмогоров,
Филатов

Варя – Жукова, Селютина

Гаев – Штернберг, Хмельницкий

Лопухин – Высоцкий, Иванов, Шаповалов

Симеонов-Пищик – Колокольников,
Антипов

Шарлотта – Полицеймако, Ульянова, Додина

Епиходов – Дыховичный, Джабраилов

Дуняша – Сидоренко

Фирс – Ронинсон

Яша – Шуляковский

Прохожий – Королев

А позже Эфрос напишет в своих воспоминаниях: «Демидова – Раневская и Высоцкий – Лопатин – это теоретически уже хорошо. А еще пригласить оформить спектакль не Боровского, чья эстетика насквозь “таганковская”, а Левенталья, да-да, оперного Левенталья, пускай он придумает что-то именно на *Таганке*».

Высоцкий в конце января 1975 года на три месяца уехал во Францию, но перед распределением ролей Эфрос говорил с ним, со мной и с Золотухиным о «Вишневом саде», советовался насчет распределения – он мало знал наших актеров. Но роли в конце концов распределял и утверждал Любимов. Во всяком случае, Эфрос не настаивал на втором составе ролей.

И мы начали работать.

Во-первых, что за пьеса?

«Всему на этом свете бывает конец...»